

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (1921–1929 гг.)

Рассматривается значимость идеологии в жизни общества, в упрочении советского политико-правового режима. Проанализированы основные этапы становления государственно-правовой идеологии в СССР в 1920-е гг., роль правоохранительных органов в достижении идеологического единomyслия в Советской России.

Ключевые слова: идеология; Советская Россия; правоохранительная система.

Пониманию сущности политико-правового режима и места в нем правоохранительных органов служит выяснение его *идеологических* основ. При их рассмотрении автор исходил из признания принципиальных положений, прежде всего, что идеология как система взглядов [1. С. 205; 2. С. 183] всегда присутствует в жизни общества. Полной деидеологизации общества быть не может. Идеология в истории человечества всегда играла весьма значимую роль. «Внутренняя и внешняя политика всякого государства, политический режим, форма правления и государственное устройство, характер социальных отношений в нем всегда испытывали на себе влияние доминирующих в данном обществе идеологических доктрин» [3. С. 3–4]. В свою очередь всякая идеология является обусловленной исторически и социально. Любая идеология нуждается в распространении в массах.

Государственная власть, опирающаяся только на насилие и принуждение, непрочно и недолговечна, поскольку порождает в обществе растущее противодействие. Поэтому она объективно нуждается в идеологии, т.е. системе идей, тесно связанных с интересами властвующего субъекта. После Октябрьской революции большевики предложили российскому обществу новую идеологию. Революционный марксизм был объявлен идеологией рабочего класса. В ее основу было положено учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата, о руководящей роли коммунистической партии, о социализме. Изменение экономической и социально-политической обстановки в стране с введением новой экономической политики потребовало от правящей партии энергичных мер по укреплению режима, преодолению идеологического кризиса. В 1920-е гг. политические директивы РКП(б) носили характер секретных циркуляров, решений партийных съездов и пленумов, постановлений центральных органов, прямых указаний секретарей ЦК. Партийные решения являлись важным звеном в превращении учения о диктатуре пролетариата в практику.

В становлении государственно-правовой идеологии в СССР в 20-е гг. можно выделить два этапа, хронологически совпадающие с вехами в эволюции новой экономической политики. «Водоразделом» служит 1925 г., год наивысшего успеха нэпа. Для каждого из этих периодов характерно общее и особенное. На первом этапе партия принимала основополагающие решения, которые определили политическую линию на длительный период. В эти годы меры по установлению единomyслия как внутри партии, так и в обществе в целом носили «поисковый» характер. На втором этапе апробированные приемы применялись с большим размахом и более жестко. Это касается, прежде всего, масштабных «чистки» не только партийных рядов, но и государст-

венного аппарата от «чуждого элемента», повышения «вклада» правоохранительных органов в идеологическое единство советского общества.

Основополагающим в деятельности РКП(б) было преодоление инакомыслия и фракционности в собственных рядах, устранение соперников в борьбе за влияние на массы. В этом отношении трудно переоценить значимость решений X съезда партии. Резолюция съезда «О единстве партии» поручала «...всем организациям строжайше следить за недопущением фракционных выступлений» [4. Т. 2. С. 220]. Все другие группы внутри партии, способные к самостоятельному мышлению, к активной работе, неизбежно становились оппозициями, противостоящими «генеральной линии». Единство достигалось путем отсечения от партии всех несогласных. Жесткая дисциплина определила подчинение прокуроров, судей, работников милиции и спецслужб партийным структурам на местах, а внутри правоохранительных органов все более увеличившаяся прослойка коммунистов была надежным проводником партийной линии.

Первая генеральная чистка партии стала непосредственной практической реализацией решений X съезда РКП(б) «О единстве» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». Она была организована по письму ЦК РКП(б) от 27 июля 1921 г. [4. Т. 2. С. 272–277]. Результаты генеральной чистки в партии рассмотрела XI Всероссийская конференция и XI съезд РКП(б), который подчеркнул, что «с того времени, как партия стала правительственной партией, к ней с неизбежностью стали примазываться чуждые, карьеристские элементы, преимущественно из городского мещанства, которые теперь составляют главную массу изгнанных в результате всероссийской партийной чистки элементов» [4. Т. 2. С. 308, 312, 335].

На протяжении 1920-х гг. партия неоднократно принимала меры по очищению своих рядов, а именно: между XIII и XIV съездами была проведена проверка членов и кандидатов в члены партии. Она охватила 25% всего состава партии, исключено 6% от общего количества проверенных лиц. С 1924 г. на Урале проходила активная борьба со сторонниками Троцкого и «новой оппозиции». По данным ОГПУ, оппозиция на Урале в 1926–1927 гг. насчитывала около 200 человек, или 0,3%, от численности уральской партийной организации. Наибольшей поддержкой оппозиционеры пользовались в Свердловске, Челябинске, Кургане, Верхнем Уфалее, Перми, Шадринске, Первоуральске [5. С. 83–84]. За участие во фракционной деятельности в партийной организации Уральской области было привлечено к партийной ответственности в 1925 г. – апреле 1928 г. 297 человек, из них исключено 150, по-

лучили другие взыскания 115, реабилитированы 32 [6. Оп. 1. Д. 2. Л. 193]. По итогам «чистки» в 1928 г. было исключено из партии рабочих – 6,6%, крестьян 11,9%, служащих – 9,6%, руководящего состава – 1,6% от общего количества коммунистов, привлекавшихся к «чистке» [6. Оп. 3. Д. 2. Л. 181, 193]. В 1926 г. была проведена частичная проверка деревенских ячеек. А в 1927 г. была проведена всесоюзная перепись членов и кандидатов [4. Т. 2. С. 238–239, 247].

Ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение о самой решительной «чистке» «от социально чуждых, примазавшихся, обюрократившихся и разложившихся элементов» – «элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения, сросшихся с кулачеством и т.п.». В материалах апрельского (1929 г.) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и XVI конференции ВКП(б) (1929 г.) она получила название «генеральной чистки» партии. По размаху (она шла одновременно с «чистой» госаппарата), лексике, применяемым методам она стала одной из мер, определивших режим «чрезвычайщины» на рубеже 20–30-х гг.

Опасаясь даже потенциальной оппозиции, большевики и в первые годы нэпа продолжали преследовать меньшевиков и эсеров. На XII Всероссийской конференции РКП(б) в 1922 г. принята резолюция «Об антисоветских партиях и течениях», в которой содержался подробный анализ деятельности эсеров, меньшевиков и других партий и группировок. Были названы те формы организации, «которые являются для антисоветских партий и течений наиболее доступной ареной влияния», кооперация, профсоюзы, высшая, средняя и низшая школы, культурно-просветительное движение молодежи, издательское дело и т.д. В условиях нэпа их возможности для пропаганды своих взглядов расширились. Резолюция предписывала «лишить антисоветские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования». В резолюции также подчеркивалось, что нельзя отказаться от репрессий «не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-партийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций...» [4. Т. 2. С. 393–395]. Эти партийные указания стали для органов госбезопасности руководящей линией в осуществлении судебного и внесудебного преследования названных категорий лиц. ЦК РКП(б) еще в 1919 г. указывал, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем» [7. С. 5–6]. Практическая политика власти в отношении социалистов и концептуальные оценки их деятельности определялись не столько официальными документами ЦК РКП(б) и ОГПУ, сколько секретными циркулярами. В связи с этим официальные идеи и оценки распространялись через труды партийных функционеров и чекистов в открытой печати. По мнению Д.Б. Павлова, «...эти работы, по сути, являлись частью общей репрессивной политики власти в отношении социалистов и анархистов» [8. С. 10].

Чтобы довести разгром бывших социалистических партий до конца, большевики решили организовать движение по их самоликвидации. Для этого были использованы бывшие члены этих партий. На созванном «съезде» партии социалистов-революционеров 50 эсеров заявили о роспуске и призвали ее членов вступать в РКП(б). Организационное ядро по самоликвидации эсеров на Урале возглавил видный деятель П. Кузнецов из Златоуста, которому удалось создать группу из 173 человек. Организационное ядро по самоликвидации меньшевистской партии составила группа меньшевиков из поселка Чусовской во главе с В. Якубовым, к которой примкнули 218 человек. В 1924 г. эти партии прекратили существование, и движения, оппозиционные большевикам, исчезли с политической арены [5. С. 82; 9. С. 199]. Таким образом, к середине 1920-х гг. остатки многопартийности в СССР были насильственно ликвидированы, в стране полностью утвердилась политическая монополия РКП(б). Секретариат Уральского обкома ВКП(б) 16 марта 1925 г. принял решение «признать необходимым по данным окружных отделов ОГПУ увольнение активного антисоветского элемента», т.е. членов партий меньшевиков и эсеров, белого офицерства и др. [10. Оп. 3. Д. 57. Л. 4–5].

В резолюции XIII конференции РКП(б) (1924) «Об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне в партии» давалась резко отрицательная оценка троцкистской оппозиции и было предложено «немедленно принять самые суровые меры для охраны железной большевистской дисциплины всюду, где ее пытаются поколебать». В частности, рекомендовалось принять решительные меры «против распространения непроверенных слухов и запрещенных к распространению документов» [4. Т. 2. С. 513–514], в чем обвинялись троцкисты. Эта резолюция послужила сигналом для репрессий в отношении троцкистов и их сторонников. В письме ЦК партии «Ко всем организациям ВКП(б)» постановил «принять решительные меры против попыток оппозиции перенести партийную дискуссию за пределы партии... не допускать нелегальных собраний, созываемых оппозиционерами, а в случае их созыва, несмотря на принятые организациями меры, распускать их силами партийных организаций и рабочих» [4. Т. 2. С. 545]. И в данном случае партийное постановление было воспринято как прямое указание для арестов и осуждения тех, кто, как считалось, принадлежал или мог принадлежать к оппозиции.

Идеологическое единомыслие обеспечивалось различными методами: уголовным преследованием, цензурой, номенклатурным принципом отбора и расстановки кадров. В УК РСФСР 1922 г. была введена статья о том, что пропаганда и агитация, объективно содействующие буржуазии, караются высшей мерой наказания с заменой в случае смягчающих обстоятельств лишением свободы или высылкой за границу [11].

Наряду с расширением задач по просвещению и воспитанию масс пропаганда и печать использовали различные методы дискредитации своих политических противников. Достигалось пропагандистское обеспечение репрессивной политики и проводимых государственных мероприятий. Мобилизационный характер

имело обращение XVI конференции ВКП(б) (1929 г.) «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза»: «Мы должны в относительно короткий исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, осуществляя социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства». «Мы должны обеспечить быстрый рост индустрии и вместе с тем подъем сельского хозяйства, все больше развивая крупное обобщественное хозяйство в деревне (совхозы, колхозы) на основе высокой машинной техники» [4. Т. 2. С. 248].

В борьбе против мелкобуржуазной и буржуазной идеологии методами уголовной репрессии большую роль играли правоохранные органы, особенно ОГПУ, суд, прокуратура. Исполнению этой функции способствовало превращение работников правоохранных органов сначала в носителей новой идеологии, а затем и в активных ее проводников. На это был направлен классовый, а фактически партийный подход к подбору и расстановке кадров. Главным требованием при подборе кадров в ОГПУ, суд, прокуратуру являлись партийность и рабочее происхождение. Кроме того, правоохранные органы были под постоянным контролем партии и фактически работали по ее директивам. Это достигалось несколькими путями. Во-первых, нормативные акты, составлявшие правовую основу деятельности репрессивных органов, применялись лишь с одобрения партийных инстанций; во-вторых, все руководящие работники этой системы утверждались высшими органами ВКП(б); в-третьих, руководители правоохранных органов на всех уровнях должны были быть обязательно членами большевистской партии.

Специализированные органы цензуры в СССР появились лишь в 1922–1923 гг. Надо отметить, что сама цензура была и предварительной (разрешительной), и последующей. На первых порах деятельность цензурных органов была предельно открытой: все декреты о цензуре публиковались для общего сведения. До начала 1930-х гг. печатались перечни сведений, охраняемых государственной тайной, перечни изданий, освобождаемых от цензуры, списки запрещенных пьес и т.д. Ситуация изменилась в конце 1920-х гг.: всевозможные запреты стали массовыми; наблюдалось небывалое ужесточение контроля чистоты идеологии, что было явным следствием политических процессов («Шахтинское дело», «дело Промпартии», Крестьянской партии, затем «Академическое дело» и т.п.). Десятки, если не сотни циркуляров, распоряжений, указаний, появившихся в 1929–1931 гг., требовали от органов Главлита усилить бдительность. В одном из таких циркуляров подчеркивалось: «Мы в новых условиях имеем новые формы классовой борьбы, классовый враг проникает в типографии, редакции журналов и газет, и там, всячески маскируясь, часто протаскивает на страницы печати враждебные взгляды и установки».

Мы разделяем мнение А.И. Александрова, что категория «государственная идеология» имеет право на существование. Более того, она является непременным признаком государственности [12. С. 33]. Однако в 1920-е гг. верная идея о необходимости государственной идеологии была представлена в уродливом виде, как

фактический запрет имеет собственное, отличное от официального, мнение о состоянии дел в стране, как недопущение какого-либо инакомыслия. Т.П. Коржихина так определила черты установившейся в СССР государственной идеологии: классовый подход к вещам и явлениям, однозначность и бескомпромиссность, оправдание любых жертв и ставка на насилие, навязывание сверху основных постулатов государственной идеологии и наказание за измену им [13. С. 174].

Идеология социализма составляла основу формирования ценностной системы населения и потому служила духовной опорой партократии на свою социальную базу: еще крестьянское по психологии (и потому верующее, а не убеждающееся) население и романтически настроенную интеллигенцию. Идеология в советской стране была поставлена над законодательством и юстицией. Это позволило партии узурпировать законодательство, сконцентрировав все рычаги управления социальной жизнью. Государственная идеология усиленно поддерживала и подпитывала мифологическое сознание, благословляя ту литературу и искусство, где была мечта о лучезарной жизни. СМИ, пропаганда, советское искусство дружно творили миф. Идеологическое манипулирование играло ведущую роль в поддержании трудового энтузиазма, повышенной мобилизационной готовности. Оно создавало у многих людей иллюзию чувства хозяина своей страны, помноженное на революционные традиции, русский патриотизм и подкрепленное массовыми репрессиями. Оно побуждало население идти на материальные жертвы ради светлого социалистического будущего. Начиная с конца 1920-х гг. пропагандистские кампании сменяли одна другую. Политический режим, монополично владея средствами информации и активно используя реальные и вымышленные успехи страны, выдвигал широкий спектр лозунгов, призывов.

Следствием пропагандистских кампаний являлся рост политической активности населения, которая наиболее явно проявлялась в участии в избирательных кампаниях. После гражданской войны процент граждан, участвовавших в выборах, как в городе, так и в деревне был низким. В некоторых местностях явка на избирательные участки была ниже 10%. По Уралу участие граждан в выборах в Советы в 1923 г. составило 41,8% от всех, обладавших правом голоса; в 1924 г. – 45,6%; в 1925/26 гг. – уже 54% (сравни: по РСФСР этот показатель в 1925/26 г. составлял лишь 47,4%) [10. Оп. 4. Д. 21. Л. 227]. Во второй половине 1920-х гг. политическая активность населения значительно повысилась и составила в 1927 г. в городах – 59% от всех лиц, обладавших правом голоса, в сельской местности – 48%; в 1928/29 гг. в городе – уже 71%, в сельской местности – 62% [14. С. 176]. Одновременно укреплялась трудовая дисциплина. Количество прогулов в промышленности составило в 1925/26 гг. 8,04 рабочих дня, в 1926/27 гг. – 7,23; в 1927/28 гг. – 6,04 [15. С. 18–19].

Размышляя о социалистической идеологии, ставшей государственной, Н.А. Бердяев важнейшим ее недостатком считал атомизацию индивида, его искусственный и насильственный отрыв от всей системы нравственных и социокультурных ценностей, выработанных человечеством [16. С. 47]. Существовавший правовой произвол со стороны государства только усугубил процесс разруше-

ния нравственных начал и правосознания в обществе. Установление единомыслия, монополии партии и государства на мысль, на знания как любая монополия ведет к загниванию, к застою. Советское государство настолько монополизировало идеологическую сферу, добилось такого контроля над общественным сознанием, что большинство населения верило в якобы имевшие место выдающиеся достижения правящей партии, в виновность репресслируемых в массовом масштабе людей. Государством, сросшимся с партийным аппаратом, в стране создавалась атмосфера недоверия и шпионмании, которая позволяла легко устранять внесудебными и даже судебными способами мнимых и действительных политических противников, претендовавших на власть.

В то же время сила идеологии, доведенная до сознания широких народных масс, помогала власти удерживать контроль над обществом внутри страны. Представляется справедливым утверждение, что «жизнеспособность Советского государства, сумевшего выстоять и преодолеть суровые испытания войны, разруху, вряд ли можно объяснить лишь дисциплиной страха и массовым насилием над подданными, как это нередко делается, – бы-

ла вера в светлое будущее, в особое предназначение государства в мировом историческом прогрессе, пусть наивная и не слишком обоснованная, но она порождала готовность претерпевать лишения во имя великих целей» [3. С. 3].

Основанием становления советской модели правоохранительной системы стали теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата, роли коммунистической партии, месте переходного периода от капитализма к социализму, неизбежности отмирания институтов государства и права при коммунизме. Теоретические постулаты основоположников под влиянием конкретных условий России корректировались в трудах лидеров большевизма и партийных документах. Особенное значение имели положения, развивающие концепцию новой экономической политики, о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Среди псевдотеоретических выводов, непосредственно воздействовавших на характер деятельности правоохранительных органов в исследуемый период, стало положение «об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму» [4. Т. 3. С. 382; Т. 4. С. 136].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.
2. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1986.
3. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибуллина Н.И. Государственная идеология. СПб.: Университет, 2001.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1970.
5. История Урала. XX век / Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1996.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-245.
7. Коровин В.В. История отечественной безопасности. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998.
8. Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – сер. 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 1999.
9. История России: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1995. Т. 2.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦД ООСО). Ф. 4. Оп. 3. Д. 57. Л. 4–5.
11. СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
12. Александров А.И. Уголовная политика и уголовные процессы в российской государственности. СПб.: Изд. дом Петер. ун-та, 2003.
13. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995.
14. Формирование административно-командной системы. М.: Высшая школа, 1992.
15. Труд в СССР. Справочник. 1926–1930 гг. / Под ред. Я.М. Бинемана. М.: Планхозгиз, 1930.
16. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 января 2009 г.